

Политическая история России: прошлое и современность.
Исторические чтения/ выпуск IX, «Гороховая-2» -2011.-
Санкт-Петербург: Норма, 2012- С.6-10.

М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова

Легенда о белом платке. «Инструкция» шефу жандармов

Широко известна легенда о том, что, когда были сформированы Корпус жандармов и III отделение СЕИВк, руководитель этих ведомств Александр Христофорович Бенкендорф явился с докладом к императору Николаю I и спросил, какими инструкциями должен он руководствоваться в своих действиях. «В то самое время, — как гласит предание, — камердинер Его Величества подносил белый носовой платок, Государь, взяв платок, передал его Бенкендорфу, высочайше выразив: “Вот твоя инструкция, чем более утрешь им слез несчастных, тем лучше исполнишь свое назначение”»¹.

Эти слова в тех или иных вариациях цитируют все без исключения авторы, касающиеся истории политической полиции николаевского царствования. Но когда и кто первый зафиксировал этот эпизод? Если он вообще имел место... Кто мог присутствовать во время разговора императора и шефа жандармов? Известно, что Николай Павлович имел обыкновение принимать докладчиков один на один. Сам он не оставил нам ни дневников, ни мемуаров. В воспоминаниях же Бенкендорфа об этом сюжете нет ни слова, да и вообще об организации и работе тайной полиции говорится очень скупо.

«Император всеми способами пытался вырвать корни тех злоупотреблений, которые проникли в аппарат управления, и которые стали явными после раскрытия заговора, обагрившего кровью его вступление на престол. Исходя из необходимости организовать действенное наблюдение, которое со всех концов его обширной империи сходилось бы к одному органу, он обратил свой взгляд на меня с тем, чтобы сформировать высшую полицию с целью защиты угнетенных и наблюдения за заговорами и

недоброжелателями. Я немедленно принялся за работу и, с Божьей помощью, вскоре усвоил мои новые обязанности и принялся осуществлять их к удовлетворению императора и без осуждения общественным мнением. Я был вполне счастлив, имея возможность делать добро, оказывать услуги многим людям, вскрывать много злоупотреблений и, особенно, предотвращать много несчастий»².

В 1888 году в «Русской старине» появился биографический очерк о начальнике штаба Корпуса жандармов и управляющем III отделением Леонтии Васильевиче Дубельте, где легенда о «белом платке» сопровождается еще более интересной информацией. «На занимаемом им влиятельном посту, Леонтий Васильевич, был проникнут смыслом известной, весьма гуманной, инструкции, данной императором Николаем I шефу жандармов, при учреждении III отделения. Когда граф Бенкендорф доложил императору о необходимости составить инструкцию нового учреждения, то его величество, передав ему свой носовой платок, сказал: «Утирай этим платком как можно больше слез, вот моя инструкция!» Платок этот и поныне хранится под стеклянным колпаком в архиве бывшего III отделения»³.

Автор очерка – преподаватель Тифлисского кадетского корпуса Евгений Иванович Дубельт — не только приходился внучатым племянником «приснопамятному» Леонтию Васильевичу, но и сам происходил из семьи жандарма. Его отец служил в Штабе корпуса и возглавлял Орловскую жандармскую команду. В семье действительно могли говорить о царском платке и месте его хранения.

Однако, в делопроизводственных документах архива «голубого ведомства» — таких как, материалы о создании архива в 1846 году, бумаги неоднократных ревизий, акты передачи архива в 1880 году в Департамент полиции — никаких сведений о наличии такого экспоната не имеется. Кроме того, оказывается, еще в 1876 году при составлении юбилейного очерка истории Корпуса, сами жандармы отмечали: «Если это предание

справедливо, то белый платок составляет как бы знамя Корпуса жандармов. В этом кроется то сочувствие, с которым относятся все служащие в Корпусе жандармов к этой легенде, и хотя документального ее существования в делах не оказалось, тем не менее, содержание первой инструкции, данной в руководство Корпусу жандармов, вполне ее подтверждает»⁴.

Так существовал ли платок на самом деле (как артефакт) или он является лишь образом той чистоты помыслов, которую предполагали в действиях высшей полиции император Николай и Бенкендорф? И не нашла ли легенда реальное воплощение в пресловутой инструкции шефа жандармов своим подчиненным?

Этот документ имеется в нашем распоряжении. Более того, инструкция была опубликована в 1889 году в журнале «Русский архив» (в послесловии снова приводится наша легенда). Из первых же слов ясно, что между императором и Бенкендорфом состоялся некий разговор о целях нового учреждения. Обращаясь к своим подчиненным, Александр Христофорович стремится, как он пишет, «выполнить в точности Высочайше возложенную на меня обязанность и тем самым споспешествовать благотворительной цели Государя Императора и отеческому Его желанию утвердить благосостояние и спокойствие всех в России сословий...»⁵

Об этом же свидетельствует юбилейный 25-летний очерк истории III отделения, составленный в 1850 году, уже после смерти Бенкендорфа. Новый шеф жандармов и главноуправляющий III отделением граф Алексей Федорович Орлов писал о своем предшественнике: «Особенно взыскательный к своим подчиненным, требуя от них неременного исполнения предначертанных Вашим Императорским Величеством правил, и исключая из Корпуса Жандармов всякого, кто навлекал на себя хотя только тень подозрения, граф Бенкендорф этим как бы передал подчиненным свою честность, свой дух нетерпимости всякого преступления и свое неусыпное стремление к покровительству несчастных. Таковые чувства и действия, указанные ему собственно Вашим Императорским Величеством, имели

последствием то, что в непродолжительное время ... новое учреждение приобрело доверенность людей благонамеренных»⁶.

Вполне вероятно, что при разговоре о назначении высшей полиции, император, всегда любивший поразить собеседника каким-то неожиданным поступком или словом, произвести эффект, мог совершить тот «жест», о котором рассказывает наша легенда.

Возвращаясь к тексту инструкции, заметим, что ни один из пяти ее параграфов, не содержит четко поставленных задач. Зато ясно прослеживается общая масштабная цель — «предупреждение и отстранение всякого зла», защита каждого «безгласного гражданина» от «личной власти или преобладания сильных лиц», «отыскивание и отличие скромных вернослужащих». Ну чем не платок для слез «сирых и убогих»? Акцент сделан на «благородных чувствах и правилах», которые должны отличать чинов высшей полиции и помочь им снискать всеобщее уважение. Подданные Российской империи могли не сомневаться, что глас «страждущего человечества» дойдет до царского престола.

Олицетворением полиции николаевской эпохи среди исследователей считается Леонтий Васильевич Дубельт. Старательный, аккуратный, исполнительный, необыкновенно педантичный, все годы, проведенные во главе высшей полиции, он как будто старался в точности соблюдать инструкцию Бенкендорфа. «Ежели я, вступая в Корпус жандармов, сделаюсь доносчиком, наушником, тогда доброе имя мое, конечно, будет запятнано, — писал Дубельт жене в 1830 году. — Но ежели, напротив, я ... буду опорой бедных, защитой несчастных; ежели я, действуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетенным, буду наблюдать, чтобы в местах судебных давали тяжёбным делам прямое и справедливое направление, — тогда чем назовешь ты меня? Не буду ли я тогда достоин уважения, не будет ли место мое самым отличным, самым благородным?»⁷

По долгу службы и по дружбе он общался со многими писателями — Ф.В. Булгариным, Н.И. Гречем, О.И. Сенковским, Н.А. Полевым, В.А.

Жуковским. И как знать, не Дубельт ли вместе с литераторами, «приближенными» к тайной полиции, пустили в свет легенду о белом платке? Тем более что Фаддей Венедиктович Булгарин, заслуживший у современников ядовитое прозвище «Видок Фиглярин» по имени знаменитого французского сыщика, оставил любопытный отклик на инструкцию Бенкендорфа. В одном из своих донесений 1827 года он писал: «Инструкция жандармов ходит по рукам, ее называют уставом «Союза благоденствия». Это поразило меня и обрадовало. Итак, учреждение жандармов и внутренней политической системы (surveillance) не почитается ужасом, страшилищем...»⁸

По мысли императора Николая высшая полиция действительно должна была стать органом «быстрого реагирования» на жалобы, притеснения, взяточничество, произвол администрации и т.п. Николай Павлович по своему радел о благе России. «Я смотрю на человеческую жизнь, — говорил он, — как на службу...» И власть самодержца Николай I воспринимал не как право, а как обязанность. Стремясь к осуществлению своего идеала процветающей державы, он пытался упорядочить всю ее жизнедеятельность — придать «стройность и целесообразность» системе управления, добиться максимальной исполнительности на всех уровнях бюрократической иерархии, обеспечить всеохватный контроль над ходом дел в Российской империи. Помочь монарху вникнуть во все мелочи жизни подданных была призвана Собственная Его Императорского Величества канцелярия и в особенности ее III отделение. Причем для значительной части населения Российской империи в условиях произвола бюрократии всех рангов, когда рядовому гражданину прибегнуть к помощи закона оказывалось практически невозможно, III отделение действительно выглядело тем органом высочайшей опеки подданных, каким задумывали его Николай I и Бенкендорф.

Просьбы и жалобы по самым разным вопросам, сохранившиеся в архиве III отделения, свидетельствуют, что многие искали защиты от несправедливости именно там. Более 5000 подобного рода запросов

поступало в III отделение ежегодно. В основном, это ходатайства о пенсиях, пособиях, о помещении детей в казенные учебные заведения, об определении на службу, о разрешении семейных споров, жалобы на неповиновение детей родителям или на злоупотребление родительской властью, «на оставление просьб без разрешения со стороны начальствующих лиц»⁹ и т.п.

В лице чиновника высшей полиции видели посредника между императором и просителем. Справедливо считалось, что проблема, о которой сообщается через III отделение, получит решение скорее и вернее, чем через любую другую инстанцию. «Смотря по свойству дел, они или представляемы были на высочайшее благовоззрение с испрошением надлежащего разрешения, или оканчивались примирительным соглашением истца и ответчика, или же передавались на зависящее распоряжение подлежащих властей. ...Просьбы и жалобы, оказавшиеся несостоятельными, оставляемы были без движения. Число просьб и жалоб, оставленных без движения, составляло обыкновенно от десяти до пятнадцати процентов общего их количества»¹⁰. В начале 60-х годов количество просьб и жалоб уменьшается в 10 раз, и в пореформенный период поток таких запросов постепенно сходит на нет, подлежа рассмотрению в новых судебных инстанциях.

В николаевскую же эпоху жандармские офицеры, тщательно отобранные по принципу “благонадежности” и умения “общаться с населением”, наблюдали за “благочинием” на местах, в самом широком понимании этого слова, входя во все подробности бытия жителей огромной империи. В «Дополнении» к нравственно-политическому отчету III отделения за 1841 год, созданному по личному указанию Николая Павловича, Бенкендорф, сетуя на неблагодарность публики, писал: «В обществе не обращают внимание на то, что в губерниях нет ни одного штаб-офицера, к которому не обращались бы обиженные и не искали бы его защиты; не говорят, что нет дня в Петербурге, чтобы начальник округа, начальник штаба, дежурный штаб-офицер не устранили вражды семейные, не доставляли правосудия обиженному, не искореняли беззакония и

беспорядков – о хорошем молчат, а малейшее дурное, стараются выказать как зло важное!»¹¹

Мы не знаем, и скорее всего, вряд ли когда-нибудь узнаем, произошла ли в действительности сцена с белым платком или ей суждено оставаться историческим анекдотом. Но можно смело утверждать, что легенда о платке, который император вручил Бенкендорфу, чтобы утирать слезы несчастных, в качестве инструкции для высшей полиции, возникла не на пустом месте.

---

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 14. Л. 2.

² Архив РАН. Ф. 764. Оп. 4. Д. 5. Л. 50—51.

³ Биографический очерк о Дубельте // Русская старина. 1888. № 11. С. 495.

⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 14. Л. 2.

⁵ Инструкция графа Бенкендорфа // Русский архив. 1889. № 2. С. 396.

⁶ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 1а. Л. 343—344.

⁷ Письма Л.В. Дубельта к жене // Русская старина. 1888. № 11. С. 501.

⁸ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М. 1998. С. 140.

⁹ Третье отделение СЕИВк о себе самом // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 100.

¹⁰ Там же. С. 100—101.

¹¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 223. Д. 6. Л. 172 об. —173.